

УДК 93/94

DOI: 10.21779/2542-0313-2024-39-3-14-22

В. О. Бобровников^{1,2}, С. Б. Маньшев³, П. И. Тахнаева¹

**Александр Емельянович Криштопа: кавказовед-медиевист
(к 85-летию ученого)**

¹ *Институт востоковедения Российской академии наук; Россия, 107031, г. Москва, ул. Рождественка, 12; ptakhnaeva@gmail.com;*

² *Санкт-Петербургский государственный университет; Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 11; vladimir_bobrovn@mail.ru;*

³ *Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук; Россия, 117997, г. Москва, ул. Профсоюзная, 23; msergey1990@gmail.com*

Аннотация. Статья посвящена 85-летнему юбилею известного историка-кавказоведа, специалиста по средневековой истории Дагестана, кандидата исторических наук Александра Емельяновича Криштопы. На основе данных литературы и архивных документов авторы дают краткий биографический очерк ученого, отмечая, что он сформировался как ученый в Дагестанском государственном университете. В статье дан анализ основных научных работ А. Е. Криштопы. Авторы показывают, что особое внимание ученый уделяет проблемам источниковедения. Многие из источников именно он впервые ввел в научный оборот. Особое место в научном творчестве А. Е. Криштопы занимает политическая история средневекового Дагестана, нашедшая отражение в ряде его статей, кандидатской диссертации и монографии, которые подвергнуты анализу. Авторы приходят к заключению, что выводы, сделанные ученым, не теряют своей актуальности и сегодня.

Ключевые слова: Дагестан, А. Е. Криштопа, кавказоведение, медиевистика, историография, Дагестанский государственный университет.

Отечественное кавказоведение представлено целой плеядой ученых, которые на протяжении XIX – начала XXI вв. занимались и продолжают заниматься изучением истории региона. В прошлом столетии ее долго рассматривали в рамках формационной марксистской модели. Были отдельные попытки переосмыслить ее в духе полисной теории [1] и коммунизма по П. Бликле [2]. Одни подходы и концепции устаревают, им на смену приходят новые, выявляются, публикуются и анализируются не введенные в научный оборот до сего момента источники.

Сегодня трудно себе представить, но еще в середине XX в. история Дагестана периода Средневековья была полна «белых пятен». Не была разработана источниковая база и соответственно невозможно было исследовать конкретные сюжеты. Но дело стало существенно меняться с приходом в науку ряда ярких медиевистов³, в т. ч. выпускника исторического факультета Дагестанского государственного университета Александра Емельяновича Криштопы.

А. Е. Криштопа родился в 1939 г. в Махачкале в семье преподавателей. Его отец, Емельян Яковлевич, хорошо известен старшему поколению дагестанцев как один из первых преподавателей психологии в республике [3, с. 2], а мать, Валентина Митрофановна, – педагог и крупный специалист в области методики преподавания русского

языка и литературы в национальной школе¹. Сам Александр Емельянович вспоминал, что его родители не собирались надолго задерживаться в Махачкале, но в итоге вся их жизнь оказалась связанной с этим городом и университетским образованием Дагестана [4, с. 244].

По окончании школы он поступил на I курс историко-филологического факультета Дагестанского государственного университета. В это время здесь преподавали историки Р. М. Магомедов, В. П. Дзагурова, Ш. Б. Арчилаев, Н. П. Эмиров, которые знакомили студентов с основами работы с историческими источниками и литературой [5, с. 205]. На одном курсе с Александром Емельяновичем учился целый ряд студентов, которые впоследствии стали известными кавказоведами – В. П. Егорова, Г. С. Федоров, М. М. Мамаев, Ш. М. Ахмедов и др.

Уже на первых курсах университета А.Е. Криштопа заинтересовался археологией. Этот интерес сформировался под влиянием доцента В. П. Дзагуровой, которая преподавала основы археологии, а также сотрудников Дагестанского филиала Академии наук СССР Д. М. Атаева и В. Г. Котовича. «Припоминаю, что когда я поступил в университет, – отмечал А. Е. Криштопа, – сильнее всего было влияние Веры Павловны Дзагуровой... Она была незаурядным человеком, умела пробуждать у нас интерес к учебе. Когда она читала лекцию, мы видели, что это сейчас для нее самое главное, и ни о чем ином она и помыслить не может. Это очень действует особенно на молодых слушателей... Она старалась внушить нам, что история как учебная дисциплина – это одно, а история как наука – это совсем другое, хотя называются они одинаково» [6, с. 8]. Сам Александр Емельянович говорит о том, что склеенная им еще в студенчестве керамика до сих пор хранится в фондах археологического музея Института истории².

Первая серьезная научная работа Александра Емельяновича была посвящена анализу арабоязычных письменных средневековых источников, содержащих информацию о Дагестане. Как отмечалось в отчете факультета, «по кафедре истории СССР высокую оценку получила дипломная работа Криштопы А. Е., в которой использованы источники на арабском языке, работа носит исследовательский характер»³. Он использовал свои знания языка, полученные в кружке, которым руководил известный востоковед А. Р. Шихсаидов, а также переводы источников, сделанные последним, но еще не опубликованные⁴.

В научной деятельности Александра Емельяновича достаточно четко можно выделить несколько направлений, одно из которых – исследование археологических памятников Дагестана.

Ученый продолжил заниматься археологией и после окончания вуза. Во второй половине 1970-х гг. он был заместителем начальника археологических экспедиций университета⁵. Эта деятельность отражена в публикациях середины 1970-х – начала 1980-х гг. Александр Емельянович издавал краткие отчеты о находках, сделанных экспедициями Дагестанского государственного университета [7, с. 135–136; 8, с. 109–110], а также останавливался на менее глобальных вопросах [9, с. 231–237].

¹ Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Ф. Р-352. Оп. 22. Д. 158. Л. 2–3.

² Интервью с А. Е. Криштопой. 9 января 2024 г., Махачкала // Личный архив С. Б. Маньшева.

³ ЦГА РД. Ф. Р-803. Оп. 1. Д. 157. Л. 33.

⁴ Интервью с А. Е. Криштопой...

⁵ ЦГА РД. Ф. Р-803. Оп. 3. Д. 612. Л. 31.

Для любого ученого закономерным этапом его профессионального развития является защита квалификационной работы. Александр Емельянович готовил ее долго и основательно, и лишь в конце 1981 г. состоялась защита кандидатской диссертации, в которой были аккумулированы наработки предыдущих лет, посвященных изучению источников периода Средневековья: письменных, эпиграфических, археологических, нумизматических, картографических, фольклорных и искусствоведческих¹. Таким образом была представлена детальная реконструкция политического развития Дагестана в XIII–XV вв. Были сформулированы выводы о развитии региона и проблемах источниковедения этого периода, которые не теряют своей актуальности по сей день [10].

Вторая половина 1970-х – начало 1980-х гг. – это период реализации чрезвычайно амбициозного по своей задумке и масштабам проекта – обобщающей «Истории народов Северного Кавказа». Исследования велись на базе Института истории СССР Академии наук СССР, директором которого был академик А. Л. Нарочницкий. Предполагалось, что историки из разных региональных научных центров выработают некие единые взгляды на дискуссионные вопросы, что и отразится на страницах будущего издания. Однако, как отмечают принимавшие в подготовке этого труда ученые, работа над каждой главой затягивалась именно в силу большого числа разногласий и «попыток монополизации некоторых исследовательских подходов при освещении периода Средневековья на Северном Кавказе» [11, с. 8].

Подобные разногласия отразились и в главе, посвященной истории походов монголов и Тимура на Северный Кавказ². В числе ее авторов были дагестанские историки Р. М. Магомедов и А. Е. Криштопа, которые свои соображения относительно представленных сюжетов первоначально опубликовали в специальной статье [12, с. 9–16], а лишь потом, после детального обсуждения, включили их в состав коллективного труда [13, с. 188–222].

Главное новшество, которое было предложено А.Е. Криштопой – это рассмотрение дагестанского варианта маршрута третьего рейда войск Тимура, который, по мнению исследователя, лучше соотносился с данными источников, нежели принятый в историографии балкарский вариант. Именно такой подход вызывал нарекания у других соавторов главы. Крупнейший советский кавказовед Л. И. Лавров, придерживавшийся иного взгляда, отмечал, что у него «никаких возражений нет, кроме принципиальных», и он не мог принять реконструкцию маршрута войск Тимура, предложенную А. Е. Криштопой [14, с. 116].

Кратко охарактеризовав профессиональное становление ученого, рассмотрим его взгляды на источниковедение и историю средневекового Северного Кавказа.

То, что восточные источники имеют важное значение для изучения истории Золотой Орды и монгольских походов, стало очевидным еще в XIX в., когда В. Г. Тизенгаузенем были подготовлены комментированные извлечения из работ арабских авторов. Лишь в советское время его работа была продолжена, и в начале 1940-х гг. вышло издание, включающее фрагменты из персоязычных сочинений, таких, как «Избранная история» Хамдаллаха Казвини, «История» Вассафа, «Книги побед» Низам-ад-дина Шами и Шараф-ад-дина Йезди и др. На протяжении длительного времени их переводы не были востребованы кавказоведами. Как констатировалось в одном из их историографических обзоров, «до сих пор еще нет обобщающего труда, рассказывающего о борьбе горцев с татаро-монголами и Тимуром» [15, с. 15]. А. Е. Криштопа детально

¹ ЦГА РД. Ф. Р-803. Оп. 3. Д. 688. Л. 2.

² ЦГА РД. Ф. Р-803. Оп. 4. Д. 22. Л. 1.

разобрал и проанализировал все сведения, приводившиеся в указанных выше сочинениях, показав их эвристический потенциал для изучения политической и экономической истории Дагестана, причем он не ограничивался их переводами, а привлекал и публикации на языке оригинала, что давало возможность нивелировать возможные ошибки.

Не касаясь фактологической части, рассмотрим лишь основные выводы, к которым пришел ученый. Во-первых, примыкая к мнению Р. М. Магомедова о том, что источники XIII–XIV вв. определяют Нагорный Дагестан как исторически сложившуюся территорию, называемую «Лекзистаном», А. Е. Криштопа существенно дополнил ее источниковую аргументацию. Во-вторых, монгольское господство способствовало экономическому упадку территории равнинного Дагестана в целом и Дербента в частности. Непомерные налоги и подати вызвали недовольство народных масс [16, с. 96, 117–118].

Другими источниками, важными для понимания процессов в средневековом Дагестане, являются сообщения западноевропейских авторов. К 1970-м гг. историки продолжали пользоваться русскими дореволюционными переводами, которые, скорее, представляли собой пересказы, близкие к текстам оригиналов, и содержали большое число ошибок в передаче топонимов и этнонимов. Первостепенное значение для истории Восточного Кавказа имеют сочинения тех авторов, которые побывали в регионе либо в период описываемых событий, либо через небольшой промежуток времени. Речь идет о путешественниках XV в. Иосафате Барбаро, Дживанмарии Анджолелло и некоем купце-анониме, который посетил Персию. А. Е. Криштопа писал по этому поводу: «Эти авторы давно известны исторической науке, их сведениями пользовались и современные историки, однако: 1) для разработки истории Дагестана записки Анджолелло и купца-анонима, насколько нам известно, не привлекались вовсе, а записки Барбаро использовались недостаточно: обычно привлекается известный русский перевод, сделанный Семеновым, который содержит лишь первую их часть – записки о путешествии в Тану, и совершенно не касается второй части – записок о путешествии в Персию; 2) большинство историков пользуется английским переводом записок этих путешественников, который страдает некоторыми неточностями» [17, с. 110].

В одной из статей им был приведен новый комментированный перевод этих источников по второму их изданию середины XVI в. Несмотря на то, что сведения о Дагестане у этих авторов отрывочны, их интерпретация позволяет охарактеризовать отдельные аспекты социально-экономической и политической жизни. Анализ этих данных позволил А. Е. Криштопе заключить, что связи между Дагестаном и Западной Европой носили «случайный и спорадический характер» [17, с. 123].

Изучив письменные источники Запада и Востока, А. Е. Криштопа закономерно обращается к дагестанским историческим сочинениям. Еще до революции русские востоковеды говорили о необходимости изучения местных сочинений, которые содержали информацию об истории региона. Это связано с тем, что вместе с исламом в Дагестан стала проникать и арабская письменная традиция, которая способствовала появлению большого числа арабоязычных нарративных источников. В советский период вместе с формированием научной востоковедческой школы в Дагестане началось систематическое выявление и изучение письменных исторических источников, например, «Та'рих Дагестан», «Та'рих-и Дербенд-наме», «Та'рих Аби Муслим», а также хроник, посвященных истории отдельных аулов и региона в целом.

«Местные исторические сочинения, – писал А. Е. Криштопа, – единственный вид письменных источников, где события внутренней истории средневекового Даге-

стана отражены в их связи, как процесс». И именно в силу этого факта они имеют чрезвычайно важное значение. По сей день не теряет своей актуальности статья Александра Емельяновича, вышедшая более полувека назад, в которой охарактеризованы дагестанские письменные источники периода феодализма [18, с. 149–183]. Нужно признать, что ни до этого, ни после никто не ставил перед собой такую важную задачу, как проведение компаративного анализа этого типа источников. К каким же выводам пришел А. Е. Криштопа?

В своем обзоре ученый прежде всего касается времени создания дагестанских источников, используя как опубликованные к тому времени варианты, так и их списки, обнаруженные археографическими экспедициями Дагестанского филиала Академии наук СССР.

Путем сопоставления отдельных сведений из хроник с установленными историческими фактами автор пытается датировать все выявленные им источники, но отмечает, что в них встречаются преднамеренные фальсификации, которые призваны «удревнить» правление той или иной местной династии.

Так, наиболее выразительным является попытка установить, например, датировку «разрушения Гумика тюрками». В источниках это событие относится к большому временному промежутку – от XIII до XVI в. А. Е. Криштопа берет наиболее полное описание этого события и сопоставляет его со сведениями из других описаний, устанавливая, что они восходят к одному протографу. Он приходит к заключению, что в основе данного сообщения о разрушении Кумуха лежит какой-то местный хронограф, который при переписке сокращался, а затем дополнялся, что привело к слиянию нескольких захватов Кумуха тюрками.

«Таким образом, – заключает исследователь, – существует немало примеров ошибочных дат, предлагаемых в рассматриваемых сочинениях (вследствие фальсификации, невнимательности переписчиков, произвольных сокращений и вставок при позднем редактировании). Все они убеждают в том что такие даты не могут быть приняты без основательных подтверждений другими историческими материалами» [18, с. 159–160].

Следующей важной составляющей работы с местными источниками является установление правильного хронологического следования событий, которое часто бывает нарушенным, а различные вставки поздних списков преобладают над текстом протографов. Сложение большинства сочинений относится к XVI–XIX вв., что определяет особенности представленных в них сведений. А. Е. Криштопа предлагает рассматривать местные сочинения как «историко-публицистические памятники», которые используют отдельные исторические сведения «в соответствии со злободневными социальными задачами» [18, с. 163–164; 19, с. 29].

Важен вывод, к которому пришел ученый в процессе изучения местных письменных источников, в которых, по его мнению, следует искать сюжеты, связанные с историей Нагорного Дагестана, при этом рассматривать их необходимо как часть единой целостной системы [10, с. 18].

Если вопросы источниковедения рассматривались А. Е. Криштопой преимущественно в статьях, то общий обзор политической истории Дагестана XIII–XV вв. отражен в итоговой монографии ученого, а дальнейшее развитие региона – в небольшом очерке, который известный кавказовед В. В. Лапин охарактеризовал как «удачный и достаточно новаторский опыт соединения географических, демографических, политических и социокультурных факторов» [20, с. 483].

Говоря о развитии Дагестана XII – первой половины XIII в., А. Е. Криштопа отмечает, что в этот период его политическая карта существенно отличалась от предшествовавшего периода, зафиксированного в классических арабских источниках. Исчезновение раннесредневековых государственных образований он рассматривает как элемент процесса феодализации общества, итогом которой стала еще большая политическая раздробленность [19, с. 63].

Дальнейшее развитие Дагестана связано с нашествием монголов на Кавказ, результатом которого стало установление власти Бату над крупнейшим экономическим центром на каспийском побережье – городом Дербентом и равнинными землями, при этом монголы не имели реальной власти в горной части Дагестана. Во время походов подчиненные земли разорялись, мужское население угонялось в «ополчение», а оставшиеся жители облагались многочисленными налогами.

Развитие Дагестана на протяжении почти века (1262–1359 гг.) связано с противостоянием Джучидов и Хулагуидов. При этом военно-политическая инициатива в этот период переходила из рук в руки. Такое развитие событий привело к нарушению сложившихся связей между политическими образованиями горного и равнинного Дагестана [19, с. 80].

Вопрос о феодализме у различных народов Северного Кавказа является достаточно дискуссионным, хотя большинство историков признает его наличие в Дагестане. К ним относится и А. Е. Криштопа. Так, он видит следы процесса феодализации в наличии в эпиграфике нескольких титулованных лиц, по приказам которых были восстановлены те или иные постройки в Южном Дагестане. Он предполагает наличие в селении Рича олигархической формы правления, осуществляемого феодализирующейся верхушкой, которая, однако, еще не успела закрепить наследственную передачу власти [19, с. 81].

В остальных же крупных центрах Верхнего Самура, как указывает А. Е. Криштопа, нельзя выделить какой бы то ни было социальной дифференциации общества, а также здесь согласно сведениям источников в рассматриваемый средневековый период еще не сложились союзы сельских общин [18, с. 83].

А. Е. Криштопа пишет о том, что в начале XIV в. в Дагестане можно проследить ход феодальной войны, в которой принимали участие три наиболее крупных политических образования того времени – Кайтагское уцмийство, Кумухское шамхальство и Аварское нуцальство. Борьба за кайтагский престол началось после смерти уцмья Султан-Мухаммеда между его двумя сыновьями. Проигравший Султан-Алибек призвал на помощь кумухского шамхала, а Ильча-Ахмед – правителей Аварии. Согласно выводам А. Е. Криштопы в результате этой феодальной войны Кумух был разгромлен, Авария истощена, а Кайтаг, видимо, пострадал меньше других, благодаря чему в дальнейшем он стал играть важную роль в политической жизни Дагестана [19, с. 111–113; 21, с. 36–37]. Таким образом, во второй половине XIV в. после ослабления власти Золотой Орды в предгорьях Дагестана устанавливается власть уцмиев, которые контролировали трасу транзитного торгового пути.

Следующий этап политического развития Дагестана связан с тремя рейдами эмира Тимура на его территорию, в результате которых были разгромлены сторонники хана Тохтамыша, частично покорена равнина, разорена Андия, а также захвачены и разрушены отдельные крепости, являвшиеся преградами на пути во Внутренний Дагестан. А. Е. Криштопа приходит к выводу, что постепенное ослабление позиций Тимура в Дагестане было связано с непрекращающимся сопротивлением горцев [19, с. 180].

Основной тенденцией политической жизни Дагестана в XIII–XIV вв., как считает А. Е. Криштопа, был процесс стремительной феодализации общества, который в различных его частях был неравномерным. Это привело к формированию нескольких типов политической организации – «княжеских владений», «феодалных олигархий» и самоуправляющихся общин.

Уже в XVI в. в регионе появляется новый политический игрок – Россия, которой, с одной стороны, необходимо было закрепиться в Предкавказье для победы над крымскими ханами, а с другой – выход к Дарьялу и Дербенту было чрезвычайно важно с экономической точки зрения [22, с. 327].

В этот период появляются более конкретные сведения источников о политическом устройстве Дагестана. В описаниях, правда, используется русская терминология, социальная структура общества и особенности общественных отношений становятся понятными. А. Е. Криштопа говорит о том, что «понятийно-терминологическая система, сформированная иной социальной средой, неизбежно отражает реальность горского общества неточно и неполно. Важно другое: русские источники показывают прежде всего, как видели и понимали горское общество московские государевы люди XVI–XVII вв. и в каких моментах оно было соотносимо с русским обществом тех времен» [22, с. 335–336].

Этот период связан с миграцией из Нагорного Дагестана и «дефеодализацией» общества. В итоге же приблизительно двухвекового развития Дагестана складываются два типа политических объединений – «княжество монархического типа или федерация вольных обществ республиканского типа» [22, с. 345].

Остается лишь сожалеть, что Александр Емельянович написал относительно немного, отдавая большую часть своего времени преподаванию на историческом факультете Дагестанского государственного университета: многие поколения выпускников и по сей день вспоминают его крайне содержательные лекции, посвященные огромному хронологическому периоду истории России от древности до второй половины XVIII в., а также семинары, на которых первокурсники (в том числе и один из авторов статьи) постигали азы работы с историческими источниками.

Если мы заглянем в любую из современных работ, посвященных источниковедению истории Дагестана или же политической истории Северного Кавказа периода Средневековья, то обязательно обнаружим ссылки на статьи А.Е. Криштопы, которые были написаны полвека назад. Наверно, это, кажется, лучший показатель того, что качественное научное исследование, основанное не на домыслах, а исключительно на исторических источниках и их детальном анализе, несмотря на прошедшие годы, не теряет своей актуальности.

Литература

1. Агларов, М. А. Сельская община в Нагорном Дагестане в XVII – начале XIX в. (Исследование взаимоотношения форм хозяйства, социальных структур и этноса) / М. А. Агларов. – Москва: Наука, 1988. 236 с.
2. Kemper, M. Herrschaft, Recht und Islam in Daghestan: von den Khanaten und Gemeindebunden zum ġihad-Staat / M. Kemper. – Wiesbaden: Reichert, 2005. 462 s.
3. Файнберг, Р. «Это были лучшие годы моей жизни...» / Р. Файнберг // Дагестанский университет. 1981. № 18 (1002). С. 2.
4. Был такой город. Махачкала. Воспоминания / авт.-сост. С. А. Анохина, П. О. Санаева. – Махачкала: Эпоха, 2013. 400 с.

5. Швачко, С. С. Историко-филологический факультет Дагестанского государственного университета имени В. И. Ленина / С. С. Швачко // Вопросы истории. 1960. № 1. С. 205.

6. Александр Криштопа: интервью с ученым, педагогом и человеком // Мавраевъ: культурно-исторический журнал. 2014. № 2 (3). С. 2–13.

7. Магомедов, А. Р. Разведки в Дагестане // Археологические открытия 1975 года / А. Р. Магомедов, А. Е. Криштопа, Г. С. Федоров; отв. ред. Б. А. Рыбаков. – Москва: Наука, 1976. С. 135–136.

8. Магомедов, А. Р. Позднебронзовый могильник в приморском Дагестане / А. Р. Магомедов, А. Е. Криштопа // Археологические открытия 1976 года / отв. ред. Б. А. Рыбаков. – Москва: Наука, 1977. С. 109–110.

9. Криштопа, А. Е. Средневековый очаг металлургии в бассейне Каракойсу / А. Е. Криштопа // Материалы по археологии Дагестана. № 9: Древние и средневековые археологические памятники Дагестана (Тематический сборник) / отв. ред. А. Р. Шихсаидов. – Махачкала: ИИЯЛ ДФ АН СССР, 1980. С. 231–237.

10. Криштопа, А. Е. Политическое развитие Дагестана в XIII–XV вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Махачкала: [б. и.], 1981. 19 с.

11. Виноградов, В. Б. Академик Алексей Леонтьевич Нарочницкий. (Личный взгляд) / В. Б. Виноградов. – Москва; Армавир: АГПУ, 2007. 15 с.

12. Магомедов, Р. М. Борьба против татаро-монгольских захватчиков на Северном Кавказе и ослабление власти Золотой Орды / Р. М. Магомедов, А. Е. Криштопа // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки. 1978. № 3. С. 9–16.

13. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. / отв. ред. Б.Б. Пиотровский. – Москва: Наука, 1988. 544 с.

14. Кринко, Е. Ф. По следам южнороссийского кавказоведения... (Памяти Виктора Владимировича Черноуса) / Е. Ф. Кринко, Е. М. Горюшина // Caucasian Science Bridge. 2018. № 1. С. 114–122.

15. Гаджиев, В. Г. Советская историческая наука Дагестана (итоги и перспективы) // Вопросы истории Дагестана (Досоветский период). Вып. I / отв. ред. В. Г. Гаджиев. – Махачкала: ИИЯЛ ДФ АН СССР, 1974. С. 7–34.

16. Криштопа, А. Е. Дагестан XIII–XIV вв. по сообщениям восточных авторов / А. Е. Криштопа // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Сборник научных сообщений. Вып. IV / отв. ред. Р. М. Магомедов. – Махачкала: ДГУ, 1974. С. 96–118.

17. Криштопа, А. Е. Сведения западноевропейских путешественников XV в. о Дагестане / А. Е. Криштопа // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Сборник научных сообщений. Вып. I / отв. ред. Р.М. Магомедов. – Махачкала: ДГУ, 1970. С. 110–123.

18. Криштопа, А. Е. К вопросу о письменных источниках по периоду феодализма в Дагестане / А. Е. Криштопа // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Сборник научных сообщений. Вып. VII / отв. ред. Р. М. Магомедов. – Махачкала: ДГУ, 1976. С. 149–183.

19. Криштопа, А. Е. Дагестан в XIII – начале XV вв. Очерк политической истории / А. Е. Криштопа. – Москва: Таус, 2007. 228 с.

20. Лапин, В. Об учебном пособии «Северный Кавказа в составе Российской империи» / В. Лапин // Ab Imperio. 2008. № 4. – С. 483–500.

21. Криштопа, А. Е. Местные письменные источники о феодальной войне в Дагестане в начале XIV в. / А. Е. Криштопа // Генезис, основные этапы, общие пути и осо-

бенности развития феодализма у народов Северного Кавказа. Региональная научная конференция 11–12 июня 1980 г. Тезисы докладов / отв. ред. В. Г. Гаджиев. – Махачкала: ИИЯЛ ДФ АН СССР, 1980. С. 36–37.

22. Криштопа, А. Е. Горный Дагестан накануне присоединения к России: социо-естественная характеристика / А. Е. Криштопа // Северный Кавказ в составе Российской империи / отв. ред. В. О. Бобровников, И. Л. Бабич. – Москва: Новое литературное обозрение, 2007. С. 327–346.

Поступила в редакцию 5 апреля 2024 г.

Принята 27 апреля 2024 г.

UDC 93/94

DOI: 10.21779/2542-0313-2024-39-3-14-22

Alexander Yemelyanovich Krishtopa: to the 85th Anniversary of the Researcher of the Medieval Caucasus

V. O. Bobrovnikov^{1,2}, S. B. Manyshev³, P. I. Takhnaeva¹

¹ *Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences; Russia, 107031, Moscow, Rozhdestvenka st., 12; ptakhnaeva@gmail.com;*

² *Saint Petersburg State University; Russia, 199034, Saint Petersburg, Universitetskaya emb., 11; vladimir_bobrovn@mail.ru;*

³ *Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences; Russia, 117997, Moscow, Profsoyuznaya st., 23; msergey1990@gmail.com*

Abstract. The article is dedicated to the 85th anniversary of the famous Caucasian historian, specialist in the medieval history of Dagestan, candidate of historical sciences A. E. Krishtopa. Based on literature data and archival documents, the authors give a brief biographical sketch of the scientist, noting that he developed himself as a scientist at the Dagestan State University. The article provides an analysis of the main scientific works of A. E. Krishtopa. The authors note that historian's research is characterized by great attention to the problems of source study. Moreover, many of the sources were introduced into scientific circulation for the first time in historiography. A special place in the scientific work of A. E. Krishtopa is occupied by the political history of medieval Dagestan, which is reflected in some of his articles, a PhD thesis, and a monograph, which have been analyzed. The authors concluded that Krishtopa's ideas are still relevant today.

Keywords: Dagestan, A. E. Krishtopa, Caucasian studies, medieval studies, historiography, Dagestan State University.

Received 5 April, 2024

Accepted 27 April, 2024